

Можно считать, что в тех 23 случаях, где оба списка совпадают в написании группы «ръ», «ль», они передают правописание оригинала.

Четыре случая написания древнерусского типа «ѣр», «ѣл», имеющиеся в начале текста в первом издании, также должны восходить к правописанию подлинной рукописи «Слова». Это как раз те типы, в которых можно видеть отражение протографа поэмы. В конце XII в. в русском тексте исторического содержания мы вправе ожидать преобладания именно таких русских написаний «ѣр», «ѣл» над старославянскими «ръ», «ль». Очень характерно в данном случае, что они стоят в начале текста.²⁸ Это — обычное явление, наблюдающееся в рукописях: в начале текста писец присматривается пристальнее к своему оригиналу и тщательнее передает его правописание, а иногда и самые начертания. В дальнейшем, освоившись с особенностями подлинника, он переходит к привычным приемам своего времени и своей школы. То же видим мы и здесь: после первой страницы писец конца XV—начала XVI в. уже не передает неупотребительных в его время написаний «ѣр», «ѣл», заменяя их привычными для себя югославянскими типами «ръ», «ль». Мусин-Пушкин в Екатерининской копии передает эти четыре начальных случая в современной транскрипции, как «ер», «ол»:

Первое издание	Екатерининская копия
пѣлку (стр. 1)	полку (л. 27)
вѣлкошь (стр. 3)	волкомъ (л. 27)
пѣрвыхъ (стр. 3)	первыхъ (л. 27)
пѣлки (стр. 4)	полкы (л. 27)

Для Мусина-Пушкина слова эти вполне ясны: подобные написания встречены в рукописи только четыре раза, и он не считается с ними. Другое дело — 23 случая написания «ръ», «ль». Количество их показывает, что это был прием, характерный для самой рукописи. При этом для Мусина-Пушкина «ѣ» и «ѣ» не являлись звуками, а могли обозначать или 1) мягкость или твердость согласной, или 2) конец слова. Так как Мусин-Пушкин не всегда был уверен в своем делении текста на слова, то это также заставляло его сохранять подобные написания подлинника. Как же рассматривать тогда в Екатерининской копии три написания типа «ѣр», «ѣл». Все они приходятся на вторую и третью страницы копии. Первое издание передает их как югославянские «ръ», «ль».

Первое издание	Екатерининская копия
брѣзая (стр. 5)	брѣзая (л. 27 об.)
брѣзыи (стр. 7)	брѣзыи (л. 28)
вѣлци (стр. 8)	вѣлци (л. 28)

Мы полагаем, что и здесь также следует исходить из первого издания: раз Малиновский отметил четыре случая русского написания «ѣр», «ѣл» в начале текста, то странно было бы думать, что он не отметит их и в дальнейшем тексте. Надо полагать, что трех случаев, отмеченных Екатерининской копией, совсем не было в оригинале, что это — те же написания югославянского типа «ръ», «ль», неверно переданные Екатерининской копией, и, может быть, это вина не самого Мусина-Пушкина, а просто ошибка екатерининского писца, для которого легче было поставить «брѣзыи», «вѣлци», чем более необычное написание «брѣзыи», «вѣлци».

Отдавая предпочтение первому изданию, мы все-таки предполагаем какую-то, хотя бы простейшую систему и у Мусина-Пушкина в Екатерининской копии и считаем поэтому, что раз он первые четыре случая древнерусского написания передал как «ер» и «ол», того же следовало ожидать

²⁸ Судя по Екатерининской копии, они приходились на первую страницу текста в рукописи Мусина-Пушкина.